

18+

АЛЕКСАНДР
ЛОГВИНОВ

ДОЖИЛИ ДО УЛУЧШЕНИЙ

Сатирический роман

Александр Логвинов

Дожили до улучшений

«Издательские решения»

Логвинов А.

Дожили до улучшений / А. Логвинов — «Издательские решения»,

В городе всё улучшают. Дома исчезают из реестров, люди — из планов. Инженер взялся исправить ошибку. Теперь ошибка — он. Смешно, пока не узнаешь себя.

© Логвинов А.

© Издательские решения

Содержание

Александр Логвинов	6
Дожили до улучшений	7
Сатирический роман	7
Глава 2. Окно присутствия	10
Глава 3. Архив будущего	13
Глава 4. Семьдесят три основания	16
Глава 5. Совещание по живым вопросам	19
Глава 6. Человек с положительной динамикой	22
Глава 7. Отдел временной истины	24
Глава 8. Правильный вид из окна	26
Глава 9. Человек без жалоб	28
Глава 10. Улыбнитесь для достоверности	30
Глава 11. Квартира с видом на согласие	32
Глава 12. Вода не читает	34
Глава 13. Общее дело с отдельными выходами	36
Глава 14. Не тот человек в кадре	38
Глава 15. День открытых показателей	40
Глава 16. Что помещается в коробку	43
Глава 17. Погода не согласована	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дожили до улучшений

Александр Логвинов

© Александр Логвинов, 2026

ISBN 978-5-0071-4513-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Логвинов

Дожили до улучшений

Сатирический роман

«Когда улучшение не помещается в жизнь, обычно предлагают переделать жизнь».

Часть первая. Люди за скобками

Глава 1. Дом, которого не было

В понедельник Семён Эммануилович Перепланин узнал, что его матери негде жить. Узнал от самой матери, которая позвонила ему из кухни своей двухкомнатной квартиры и попросила привезти хлеба.

— И ещё, — сказала она, — нас отменили.

— Кого вас?

— Дом. Я сначала подумала: наконец снесут. А они говорят — не положено. Нельзя снести то, чего нет.

Семён придержал плечом телефон и вытащил из тостера обугленный ломтик. Утро не обещало ничего особенного. В городе Складене утро вообще давно ничего не обещало: обещания были отнесены к исключительной компетенции городской администрации.

— Кто говорит?

— Молодой человек в жилете. Очень вежливый. Спросил, довольна ли я качеством прекращения обслуживания.

— Мам, не подписывай ничего.

— Поздно. Я подписала, что недовольна. Он обрадовался. Сказал, отрицательная обратная связь тоже свидетельствует о вовлечённости.

В трубке закрипела форточка. Семён хорошо знал этот звук: отцовская петля, сделанная из чего-то совершенно другого. Отец мог починить почти любой предмет, если рядом находился предмет, который можно было испортить.

— Ты главное хлеба, — повторила мать. — Тут магазин теперь за пределами пешеходной доступности.

— Он же напротив.

— Географически — да.

На этой фразе Семён всё-таки перестал намазывать масло на уголь.

Ему было сорок семь. Последние одиннадцать лет он работал в Управлении городской достаточности, где следил, чтобы сооружения признавались пригодными не раньше, чем их научатся фотографировать с удачной стороны. По диплому он был инженером. По должностной инструкции — ведущим специалистом по согласованию промежуточных состояний. По привычке — человеком, который сначала искал, где расписаться, и только потом читал.

С этой привычкой было связано большинство удобств его жизни и почти всё, о чём он старался не думать.

Он надел куртку, спрятал в сумку рабочую папку и вышел. На двери подъезда висело объявление: «С 1 октября качество жизни будет повышено. Просьба убрать автомобили». Внизу от руки добавили: «А людей куда?» В ответ другой рукой было выведено: «Следите за объявлениями».

У остановки рабочие устанавливали новый павильон. Старый, в котором можно было укрыться от дождя, увезли накануне. У нового были четыре прозрачные стены, узкая крыша и ни одного проёма.

— А заходить как? — спросила женщина с сумкой на колёсиках.

— Это закрытый контур комфорта, — ответил рабочий, затягивая болт.

— Я спрашиваю, как внутрь попасть.

— По проекту там люди нарисованы. Значит, как-то попали.

Автобус пришёл без опоздания: расписание сняли неделю назад.

По дороге Семён купил хлеб и две ватрушки. Потом вернулся за третьей. Мать всегда говорила, что сладкого не хочет, а он всегда делал вид, что случайно взял лишнюю. Это была одна из немногих систем, работавших без оптимизации.

Дом номер двенадцать «Б» стоял в конце улицы Речной. В нём было два подъезда, двадцать четыре квартиры и трещина под карнизом, которую жильцы называли исторической: она пережила четыре капитальных ремонта, не поступившись формой. На скамейке сидел Виктор Сергеевич Шурупов, слесарь, вдовец и человек с лицом, будто ему только что предложили два взаимоисключающих тарифа и он уже платил по обоим.

На коленях у него лежала табличка с номером дома.

— Снимали? — спросил Семён.

— Удержал при падении.

— Она сама упала?

— Под воздействием двух специалистов. Я протокол видел: самопроизвольное устранение устаревшей адресации.

На месте таблички белел прямоугольник чистой стены. Без номера дом выглядел раздетым, хотя всё остальное осталось на месте: кошка на подоконнике, ведро с окурками, велосипед без седла, вечная претензия второго этажа к первому.

Возле подъезда стояли двое в светло-зелёных жилетах. Один держал планшет. Второй — папку. Это внушало надежду: когда прогресс ходил с бумажной подстраховкой, с ним ещё можно было разговаривать.

— Добрый день, — сказал Семён. — Что происходит?

— Улучшение адресного пространства.

— Моя мать здесь живёт.

— Мы никого не обвиняем.

Молодой человек произнёс это с такой искренней мягкостью, что Семён не сразу нашёл следующий вопрос.

— Почему сняли номер?

— Адрес признан дублирующим.

— Что он дублирует?

— Адрес.

— Какой?

Молодой человек повернул планшет к напарнику. Тот открыл папку. Они некоторое время сверяли друг с другом предметы, предназначенные для устранения этой необходимости.

— Двенадцать, — ответил человек с папкой.

— Но двенадцатый дом стоит через дорогу. Он девятиэтажный.

— Именно. При укрупнении сущностей приоритет отдаётся наиболее полной.

Шурупов посмотрел на свой живот.

— Мне тогда можно руководить?

— Вы не объект недвижимости.

— В моём возрасте это спорно.

Семён взял лист. Вверху значилось: «Акт устранения избыточной реальности №41-У». Ниже мелко пояснялось, что речь идёт исключительно об информационной реальности, а физическое наличие конструкций не является основанием для сохранения ошибочной записи.

Он узнал шаблон. Полгода назад этот документ прошёл через его управление. Он даже помнил совещание, на котором предложил заменить слово «ликвидация» словом «устранение»: у второго был менее тревожный оттенок. Заместитель похвалил его за человеческий подход.

— Здесь ошибка, — сказал Семён.

Оба специалиста заметно расслабились. Ошибка была понятным видом обращения. С ней знали, что делать.

— Через личный кабинет.

— У моей матери кнопочный телефон.

— Можно в центре услуг.

— А сейчас что?

— Сейчас мы предлагаем вам сохранять спокойствие.

— На каком основании?

Человек с папкой впервые улыбнулся по-настоящему.

— Вот. Видите, можете же шутить.

Наверху Нина Сергеевна уже поставила чайник. Она была в синем домашнем платье и с серьгой только в одном ухе: вторую всё время забывала после телефонных разговоров. На подоконнике рос лимон, который за двенадцать лет принёс один плод и приобрёл в семье репутацию перспективного.

— Наконец-то, — сказала мать. — У нас сегодня столько народу. Как будто я умерла, но сама всех обслуживаю.

Семён положил хлеб на стол.

— Я разберусь.

— Ты сначала поешь.

Он сел на старый табурет, который отец собирался заменить тридцать лет. За окном специалист прикреплял к водосточной трубе пластиковую бирку. Чайник закипел и выключился. Через секунду погас свет.

Мать посмотрела на лампу, потом на сына.

— Разбирайся с ватрушкой. Остальное, чувствую, надолго.

Глава 2. Окно присутствия

Центр услуг «Рядом» находился в сорока минутах от дома Нины Сергеевны. Название выбирали с расчётом на дальнейшее развитие транспортной системы.

В холле пахло новым пластиком, мокрыми куртками и людьми, которые уже объясняли это три раза. Над стойкой висел лозунг: «Государство начинается с вас». Под ним охранник требовал от посетителя отойти за жёлтую линию.

Семён пришёл один. Матери он сказал, что всё займёт полчаса, и теперь испытывал раздражение, свойственное человеку, которого обманул он сам.

Терминал предлагал выбрать жизненную ситуацию. «Рождение». «Брак». «Переезд». «Утрата». После короткого колебания Семён нажал «Утрата». Терминал выразил соболезнование и спросил, являлся ли утраченный объект супругом.

Семён вернулся назад.

За ним вздохнули.

— Вам чего? — спросил охранник.

— Дом пропал.

— Недвижимость направо.

— Он не движется. В этом и проблема.

Охранник не улыбнулся. За день он слышал столько вынужденного остроумия, что воспринимал его как разновидность багажа.

Нужная кнопка называлась «Иные обстоятельства». После нажатия появилось предупреждение: «Вы уверены, что ваши обстоятельства иные?» Семён нажал «Да» и получил талон И-404.

— Удачный, — сказала сидевшая рядом женщина.

— Почему?

— Сразу всё понятно.

Она держала переноску с котом. Кот смотрел в зал так, будто пришёл пожаловаться на хозяйку, но пока соглашался на досудебное урегулирование.

— У меня кота признали нежилым помещением, — пояснила женщина. — Чип перепутали. Теперь за него требуют взнос на капитальный ремонт.

— Серьёзно?

— Нет, я сюда развлечься пришла. Дома скучно, всё соответствует назначению.

На экране появились номер Семёна и окно четырнадцать. За стеклом сидела девушка с идеально прямым пробором. На бейдже было написано «Ваш персональный помощник Дарья». Стекло делало помощь персональной, а помощника — недоступным.

— Что у вас случилось?

— Дом исключили из адресного реестра. Там живут люди. Отключили электричество.

— Адрес?

Семён назвал.

Девушка напечатала, посмотрела на экран и подняла глаза с выражением, которое он слишком хорошо знал по своим коллегам: сейчас она собиралась сообщить реальности, что та не прошла проверку.

— Такого адреса нет.

— Поэтому я здесь.

— Для восстановления адреса требуется подтвердить его существование.

— Вот квитанция. Вот свидетельство матери. Вот старый технический паспорт.

Он выложил документы. Дарья посмотрела на них почти с жалостью.

— Это подтверждает, что адрес существовал.

— Вчера.

— Именно.

— Дом за ночь никуда не делся.

— Мы не устанавливаем фактические обстоятельства. Мы принимаем документы об установленных обстоятельствах.

Семён почувствовал знакомое желание повысить голос. Он заранее представил, как это будет выглядеть: взрослый мужчина орёт на девушку, которая не отключала свет его матери. Представил — и заставил себя выдохнуть.

— Кто устанавливает?

— Управление городской достаточности.

Он посмотрел на неё.

— Я там работаю.

— Тогда вам проще.

Эта фраза оказалась обиднее всего.

Дарья выдала ему заявление на бумаге. В графе «Адрес заявителя» следовало указать действующий адрес. В графе «Основание обращения» — нарушение прав по действующему адресу. Заявление о недействующем адресе не могло быть подано, поскольку не содержало сведений, позволяющих его принять.

— Вы понимаете, что здесь круг?

— Да. У нас комплексный подход.

Он хотел было объяснить разницу, но увидел, что у девушки под столом стоит маленькая фотография ребёнка в карнавальном костюме. Один угол фотографии был заклеен. Дарья придерживала бумагу левой рукой; на запястье виднелся след от резинки, а ниже — синяк. Семён вдруг заметил, насколько она устала.

— Можно без формы? — спросил он тише. — Просто письмо руководителю.

Она не сразу ответила. Посмотрела на камеру под потолком.

— В свободной форме обращения принимаются в окне девять.

— Спасибо.

— Только там обед.

— Подожду.

— Там не обеденный перерыв. Там обед. Для сотрудников. Окно временно используют под раздачу.

Семён закрыл глаза.

Дарья быстро придвинула к нему листок.

— Напишите на имя Строгоград. Розы Маргаритовны. Отдел межреестровых противоречий. И приложите фотографию дома с сегодняшней газетой.

— Как заложника?

Девушка впервые улыбнулась, но сразу опустила лицо.

— Я этого не говорила.

У выхода Семён столкнулся с женщиной лет сорока, которая несла картонную коробку, прижимая её подбородком. Из коробки торчали папки, линейка и сухая ветка липы.

— Поможете? — спросила она.

Он взял коробку.

— До машины?

— До скамейки. Машины у меня нет. Зато теперь есть время.

Они вышли под мелкий дождь. Женщина забрала коробку и поставила на мокрую скамейку, предварительно подложив решение о своём увольнении.

— Бумага хорошая, — сказала она. — Хотя на чём-то не сэкономили.

— За что?

— Несоответствие архивной деятельности целям будущего. Анна Архивцева.

— Семён Перепланин.

— Красиво. Вам бы в международные отношения.

— Я больше по внутренним неисправностям.

Анна взглянула на торчавший из его папки технический паспорт.

— Речная, двенадцать «Б»?

— Откуда вы знаете?

— Потому что вчера я искала этот дом в архиве. А сегодня у меня свободный график.

Дождь усилился. Семён поднял коробку обратно.

— Пойдёмте, — сказал он. — Здесь рядом кафе.

— «Рядом» здесь только центр услуг. Кафе далеко.

— Я знаю короткую дорогу.

Она посмотрела на его служебный пропуск.

— Вы все так говорите.

Глава 3. Архив будущего

Кафе называлось «Было вкусно». Владелец, по слухам, хотел назвать его «Будет вкусно», но после трёх проверок предпочёл утверждение, которое невозможно опровергнуть без машины времени.

Анна заказала чёрный чай. Семён — кофе и два пирожка. Официант сообщил, что пирожок остался один.

— Разрежьте, — сказал Семён.

— Тогда будет две порции.

— А если не резать?

— Тогда одна.

— Несите одну. Мы рискнём.

Анна вытащила из коробки папку и сухую ветку.

— Это зачем? — спросил Семён.

— Из гербария городской гимназии. Тысяча девятьсот одиннадцатый год. Дерево спилили в восемьдесят шестом, школьника, который собрал гербарий, расстреляли в тридцать восьмом, гимназию снесли в девяносто четвёртом. А ветка всё ещё есть. Иногда архив выглядит невежливо по отношению к победителям.

Она сказала это спокойно, без нажима. Семён подвинул чашки, освобождая место.

— Почему вас уволили?

— Я отказалась признать отсутствие документа документально подтверждённым, пока документ лежит у меня на столе.

— Что за документ?

Анна раскрыла папку. Внутри была копия старой схемы квартала. Дом двенадцать «Б» на ней стоял у изгиба реки. За домом тянулся огород, обозначенный аккуратными рядами точек, а дальше начиналось пустое место с надписью «Служебная территория водосброса».

— У вас там раньше жили работники насосной станции, — сказала Анна. — Дом ведомственный, построен отдельно от обычного квартала. При передаче городу букву «Б» вписали от руки. Потом несколько раз переносили данные. В последней системе буква стала признаком временного объекта.

— Как это возможно?

— Очень просто. Старое поле называлось «литера». Новое — «статус». Их посчитали одинаковыми, потому что у обоих по шесть букв.

— Не может быть.

— Это вы сейчас как инженер или как житель страны возможностей?

Семён не ответил.

Анна выложила второй лист. Внизу стояла подпись заместителя начальника управления. Ниже — фамилии согласовавших специалистов. Семён нашёл свою быстрее, чем хотел.

«Перепланин С. Э. Согласовано в части технической допустимости».

Он помнил тот день. У сына была температура, бывшая жена уехала на курсы, начальник торопился на открытие сквера. Папку принесли за десять минут до конца работы. Семён спросил, есть ли замечания профильного отдела. Ему сказали, что замечаний нет. Он подписал.

— Это не проект, — произнёс он. — Это методика переноса.

— Да.

— Я согласовывал не конкретные адреса.

— Да.

— Там должны были проверить выборку.

— Проверили. Двадцать домов. Все без букв.

Принесли пирожок. Официант положил рядом два прибора с видом человека, допускающего экономическое преступление.

Семён отломил кусок, но есть не смог.

— Я не знал.

Анна подула на чай.

— Вам легче от того, что я скажу: верю?

— Не особенно.

— Тогда сэкономим время.

За окном вода стекала по плакату «Складень — город, который слышит». Плакат закрывал окно мастерской слуховых аппаратов.

Анна объяснила, что после оцифровки спорные адреса попали в список на ручную проверку. В списке было шестьсот восемь объектов: сараи, заброшенные будки, разрушенная котельная, действующая библиотека, несколько домов. Для проверки требовались люди. Вместо людей выделили срок. Срок истёк. Объекты автоматически признали неактуальными.

— Но есть же жители, — сказал Семён.

— Жителей перенесли.

— Куда?

— В ближайшую полную сущность. Дом двенадцать. Он теперь самый густонаселённый в области. На третьем этаже прописано население малого посёлка.

— И никто не заметил?

— Заметили. Повысилась эффективность использования жилого фонда. Ответственного премировали.

Он провёл ладонью по лицу.

— Это можно исправить.

— Можно, — согласилась Анна. — Поэтому меня и уволили.

Она достала ещё один лист. На нём была схема не квартала, а торжественной площадки: сцена, флаги, дорожки, зоны для прессы. Место дома двенадцать «Б» занимал голубой прямоугольник.

«Парк возвращённой воды. Первая очередь».

— Открытие через двенадцать дней, — сказала Анна. — На участке официально нет жилых строений. Сюда направят воду из старого русла. По проекту — по колено. По вашей карте — в подвал. По моей — людям в жизнь.

Семён долго смотрел на прямоугольник.

— Мама там живёт с семьдесят восьмого.

— Я знаю.

— Отец там умер.

— Я знаю.

— Вы откуда всё знаете?

— Работа была такая.

Он впервые поднял на неё глаза по-настоящему. У Анны были серые радужки с тёмным ободком, короткие волосы, отросшие неровно, и маленький шрам возле подбородка. Она не была похожа на человека, который пришёл спасти чужую жизнь. Скорее на человека, которому надоело держать дверь, пока остальные уверяют, что стены нет.

— Почему вы мне помогаете?

— Пока я вам показываю бумаги. Помощь начнётся, когда вы решите, что с ними делать.

Телефон Семёна завибрировал. Мать прислала фотографию. На кухонном столе стояла свеча в блюде, рядом — лимон в горшке. Подпись: «Красиво. Но холодильнику не нравится».

Потом пришло второе сообщение: «Хлеб хороший».

Он положил телефон экраном вниз.

— Что нужно?

Анна достала из кармана карандаш.

— Начать с того, чего в ваших формах нет.

— С чего?

— Посчитать людей.

Глава 4. Семьдесят три основания

К вечеру дом двенадцать «Б» собрался во дворе. Это было первое общее собрание за четыре года, на которое пришли почти все. Раньше людей объединяло только желание, чтобы общее собрание прошло без них.

Шурупов вынес из подвала складной стол и поставил на него табличку с номером дома. Получилось не то избирательное помещение, не то поминки по адресу.

— Предлагаю председателем Семёна, — сказал он.

— Почему меня?

— У тебя портфель. Если у человека портфель, его в любом случае выберут. Лучше при знакомых.

Семён расстегнул куртку. В офисе он спокойно выступал перед сорока сотрудниками. Перед соседями, которые помнили его в детских колготках, вся профессиональная уверенность становилась неправдоподобной.

— Нужно составить список жильцов, — начал он. — Чтобы доказать фактическое проживание.

— Кому доказать? — спросила Зоя Ильинична из седьмой квартиры. — Я ещё утром сантехника дожидаться не могла. А теперь должна доказывать, что я есть?

— Нам отключили услуги по ошибке.

— Мне пенсию тоже по ошибке маленькую платят. Ошибка сорок лет стажа имеет.

Анна села за стол, разгладила чистый лист. Люди подходили и называли имена. Кто-то доставал паспорт, кто-то — квитанцию, кто-то пытался показать на телефоне внуков. Через десять минут выяснилось, что посчитать живых сложнее, чем недвижимость.

В квартире четыре жили трое, но официально — один. В девятой была зарегистрирована дочь хозяев, давно уехавшая на север; фактически вместо неё жил муж племянницы, который не считал нужным объяснять родственные связи. В шестнадцатой мать ухаживала за взрослым сыном после травмы. В двадцать первой лежала пустая квартира умершего учителя, но по вечерам там горел свет: его вдова приходила поливать цветы и не могла уйти до темноты.

— Её считать? — спросила Анна.

— Она живёт у дочери, — сказал кто-то.

— А здесь?

Люди помолчали.

— Здесь тоже, — ответила Нина Сергеевна.

Семён вдруг понял, что в его рабочих таблицах никогда не было места для такого ответа. Мальчик лет девяти принёс тетрадный лист.

— У нас ещё черепеха.

— Животных отдельно, — сказала Анна.

— Она не животное. Она Черчилла.

— Тогда отдельной строкой.

Мальчик ушёл довольный: его впервые приняли как представителя семьи.

В квартире восемнадцать дверь не открыли. Шурупов стучал так, как стучат люди, знающие устройство двери и допускаемые нагрузки.

— Там никто не живёт, — сказала Зоя Ильинична. — Я бы знала.

— Ночью вода шумит, — возразил слесарь.

— Значит, кран течёт.

Из-за двери раздался кашель.

Семён наклонился к замочной скважине.

— Мы не из проверки. Свет будем возвращать.

Щёлкнул замок. На пороге стоял молодой мужчина в футболке, несмотря на холод. За ним показалась женщина с ребёнком на руках. Лицо мужчины было не испуганным, а приготовленным к испугу — как вещи, собранные возле двери заранее.

— Квартиру снимаем, — сказал он. — Хозяйка просила не говорить.

— Как вас зовут?

— Руслан.

Семён записал.

— Жену?

— Мадина. Дочь — Лейла.

— Документы есть? — спросила Зоя Ильинична из коридора.

Руслан сразу выпрямился.

Анна подняла голову.

— Мы людей считаем, Зоя Ильинична. Документы потом, если не хватит людей.

Женщина с ребёнком впервые посмотрела ей в лицо.

К восьми вечера получилось семьдесят три человека. Семьдесят четыре, если считать дочь хозяйки девятой квартиры, которая могла вернуться, хотя никто не знал когда. Семьдесят пять, если считать ещё не родившегося ребёнка из третьей. Спорили долго, потому что люди вдруг почувствовали: от способа счёта зависит не только сумма.

— Пишем семьдесят три фактически проживающих, — решил Семён. — Остальные — отдельно.

— Опять отдельно, — сказала Нина Сергеевна негромко.

Он услышал, но сделал вид, что занят.

Шурупов тем временем притащил удлинитель от гаража через дорогу. Электричество туда поступало от старой линии, не внесённой ни в одну современную схему.

— Это законно? — спросил Семён.

— Электронов не допрашивал.

— Можно перегрузить сеть.

— Поэтому только холодильники по очереди и зарядка телефонов. Чайник — один. Кто включит обогреватель, лично согрею объяснением.

Семён осмотрел соединение. Провод был старый, но целый, защита — исправная. Он проверил нагрузку и сам составил очередь. Впервые за день сделал что-то, от чего немедленно стало немного лучше.

Во дворе зажглась переносная лампа. Люди потянулись к ней со своими телефонами, как когда-то тянулись к огню. Зоя Ильинична принесла кипяток в термосе. Мадина — лепёшки. Кто-то выставил варенье, и разговор постепенно перестал быть собранием.

Анна записывала номера телефонов. Семён стоял рядом и смотрел, как мать разговаривает с Русланом о том, где дешевле покупать картошку. До этого вечера она знала о восемнадцатой квартире только то, что там громко закрывают дверь.

— Что? — спросила Анна, заметив его взгляд.

— Думаю, сколько лет мы тут жили и ничего не знали.

— О чём?

— Друг о друге.

Она закрыла тетрадь.

— Чтобы познакомить людей, у нас обычно сначала портят им условия.

На столе лежали семьдесят три имени. Семён провёл пальцем по краю листа. Среди них не было должностей, коэффициентов, оснований и промежуточных состояний. Только люди, которым вечером хотелось включить свет.

Потом к столу подошёл невысокий мужчина с аккуратной бородкой. Он жил на первом этаже и всё собрание молчал.

— Я не буду подписывать, — сказал он.

— Почему?

— Мне обещали переселение.

Семён посмотрел на него.

— Кто?

Мужчина не ответил сразу.

— Вы же понимаете, — произнёс он, — если дом признают, переселение отменят. Я тридцать лет в сырости живу. Вы хотите, чтобы я ещё тридцать доказывал, как мне здесь хорошо?

Глава 5. Совещание по живым вопросам

Борис Артемьевич Фанфаров любил совещания, на которых все понимали, что он имеет в виду. Для достижения этого результата он заранее рассылал, что имеет в виду.

Во вторник в девять утра руководители подразделений собрались в овальном зале администрации. Зал первоначально был прямоугольным, но после реконструкции овальным стало название. На форму помещения средств не хватило.

Фанфаров сидел во главе стола, под экраном с надписью «Складень. Версия лучше». На нём был светлый костюм, плохо приспособленный к реальной погоде и прекрасно — к презентации. Возле локтя лежали очки, которыми он не пользовался: они обозначали, что мысли настолько серьёзны, что могут потребовать оптики.

— Коллеги, — сказал он, — до открытия двенадцать дней. Вернее, уже одиннадцать. Время работает на нас, но медленно.

Начальник транспортного отдела поднял глаза от телефона.

— Мы можем увеличить частоту.

— Чего?

— Вы правы, Борис Артемьевич. Продолжайте.

Семён сидел у стены. Его непосредственный начальник, Эдуард Захарович Ведомов, взял его на совещание как специалиста по устранению мелких возражений. В обычное время Семён справлялся хорошо: умел сформулировать проблему так, чтобы она переставала портить настроение присутствующим.

Сегодня в папке у него лежали семьдесят три имени.

На экране появился проект парка. Люди на визуализации были стройны, умеренно молоды и никуда не торопились. Ни у кого не было сумки с картошкой. Даже собака шла с выражением согласованного интереса.

— Здесь, — сообщил руководитель проекта, — мы возвращаем городу реку.

— Откуда? — спросил Фанфаров.

— Из исторического русла в общественное пространство.

— Прекрасно. Возвращать — сильное слово. Люди любят, когда им возвращают. Даже если до этого не знали, что потеряли.

Ведомов кивнул и сделал пометку. Он записывал удачные фразы начальника с такой скоростью, будто боялся, что те будут отозваны.

— Есть небольшая техническая сложность, — сказал Семён.

Ведомов медленно повернул голову.

— Мы после, Семён Эммануилович.

— После открытия может быть поздно. На участке стоит жилой дом.

Наступила тишина. Она была не тревожной, а раздражённой: кто-то внёс в обсуждение объект, не прошедший регистрацию участников.

— На каком участке? — спросил Фанфаров.

Семён показал.

Руководитель проекта приблизил изображение. На месте дома красовались камыши и человек на деревянном настиле.

— Здесь нет дома.

— На картинке — нет. На Речной — есть.

— Вы по какой версии смотрите?

— По последней физической.

Фанфаров взял очки, подумал и положил обратно.

— Вы хотите сказать, мы проектировали парк на людях?

— На карте людей не было, — поспешно ответил Ведомов.

— А вы проверяли?

— Карта прошла проверку.

— Кем?

Ведомов не посмотрел на Семёна, и от этого стало хуже, чем если бы посмотрел.

Семён вынул список.

— Семьдесят три человека. Отключён свет. В пятницу планируется прекращение водоснабжения. Нужен временный запрет работ и восстановление адреса.

Фанфаров пролистал бумаги.

— Людей надо защитить, — сказал он. — Безусловно. Но нельзя допустить, чтобы защита людей сорвала проект, который делается для людей.

Руководитель проекта облегчённо потянулся к стакану.

— Можно скорректировать границы, — предложил Семён.

— На этой стадии? — спросил тот. — У нас уже ролик готов.

Фанфаров посмотрел на него поверх не надетых очков.

— Ролик, конечно, важен. Но человеческий вопрос важнее.

Все согласились. Теперь оставалось найти такой способ решения человеческого вопроса, при котором ролик не пострадает.

— Сколько квартир? — спросил мэр.

— Двадцать четыре.

— Переселить.

Ведомов осторожно напомнил, что фонд временного размещения занят.

— Чем?

— Гражданами, Борис Артемьевич.

— Почему мне не докладывали?

— Докладывали. Вы поручили обеспечить заселение.

— Значит, поручение выполнено. Это хорошо. Теперь обеспечьте решение.

Начальник финансового отдела закашлялся. Его должность позволяла кашлять вместо слова «нет».

Семён сказал, что переселение требует времени, согласия, пригодных помещений. Он говорил спокойно, но чувствовал, как вокруг него возникает особое пространство. Так смотрят на человека, который в театре спрашивает, почему король одет в занавеску.

Фанфаров выслушал.

— Вы сами откуда?

— Из Управления городской достаточности.

— Я имею в виду — вы там живёте?

— Мать.

— А. Личная заинтересованность.

— В том, чтобы она не утонула.

Начальник транспорта поднял голову. Ведомов положил ладонь на стол. Кто-то перестал печатать.

Фанфаров некоторое время смотрел на Семёна. Потом неожиданно встал и подошёл к окну.

Во дворе администрации дворник сгонял лужу к решётке, забитой листьями. Вода упрямо возвращалась. Дворник работал не по показателям и потому выглядел усталым.

— Мою мать однажды тоже переселяли, — сказал мэр. — Из барака. Она плакала. Я думал, от радости. Потом понял: боялась, что на новом месте никто не знает, как звали моего отца.

Семён не ожидал этой фразы.

Фанфаров повернулся.

— Создаём комиссию. Вы, Переплинин, войдёте. Ведомов — возглавить. Разобраться без шума, людей не обидеть, сроки сохранить.

Три последних требования он произнёс отдельно, чтобы было ясно: отказаться нельзя ни от одного.

После совещания Ведомов придержал Семёна за локоть.

— Ты чего добился?

— Комиссии.

— Вот именно. Теперь отвечать будем мы.

— А раньше кто отвечал?

Ведомов посмотрел на него с искренним удивлением.

— Раньше всё шло нормально.

Глава 6. Человек с положительной динамикой

Ведомов был не злым человеком. Злому пришлось бы получать удовольствие от чужих неприятностей, а Эдуард Захарович предпочитал о них не знать. Чужие неприятности мешали ему сохранять доброжелательность.

В кабинете он предложил Семёну чай, печенье и возможность сказать, что тот неправильно выразился на совещании.

Семён взял только чай.

— Мы тебя ценим, — начал Ведомов. — Ты специалист. И как специалист должен понимать: нельзя вытаскивать частный случай на уровень общей стратегии.

— Частный случай — семьдесят три человека.

— Тем более. Семьдесят три частных случая. Представляешь объём?

На подоконнике стояла искусственная орхидея. Секретарь поливала её по пятницам, потому что никто не решался отменить процедуру, включённую в перечень хозяйственных обязанностей.

Ведомов придвинул папку.

— Я посмотрел. Ситуация неприятная, но решаемая. Матери дадим квартиру. Есть служебная, хорошая. Лифт. Тепло. Тебе не придётся к ней через весь город ездить.

— Остальным?

— Не всё сразу.

— Почему ей первой?

— Потому что ты наш сотрудник. Мы своих не бросаем.

Семён посмотрел на печенье. Оно было разложено веером, как небольшая премия.

Предложение было разумным. Именно это делало его тяжёлым. Мать давно жаловалась на лестницу. В новом доме было бы проще. Он мог бы позвонить ей прямо сейчас и впервые за сутки сказать что-то хорошее.

— А дом?

Ведомов вздохнул.

— Семён, есть вопросы, которые решаются, и вопросы, которые расширяются. Не надо расширять решаемый вопрос.

— Вы предлагаете убрать из списка мою мать?

— Я предлагаю убрать из её жизни проблему.

— За счёт того, что я перестану говорить об остальных.

Начальник откинулся на спинку.

— Ты всё время формулируешь так, что со мной невозможно согласиться приличному человеку. А я, между прочим, тоже приличный человек.

В этом была своя правда. Семён работал с ним одиннадцать лет. Ведомов давал отпуск, когда заболел сын. Подписал материальную помощь после похорон отца. Ни разу не повысил голоса при посторонних. Он не был чудовищем. Просто его доброта имела пропускной режим.

— Я подумаю, — сказал Семён и сразу почувствовал облегчение.

Ведомов улыбнулся.

— Вот. Уже конструктивно.

В коридоре Семён остановился у окна. Внизу дворник всё ещё гонял воду. Теперь решётка была чистой, но вода не уходила: засор находился глубже. Семён знал этот вид работы. Сверху всё правильно, поэтому виноват человек с метлой.

Позвонила бывшая жена.

— Ты Тимофея сегодня забираешь?

Он совсем забыл.

— Да. Во сколько?

— В шесть. Как мы договаривались.

— Извини, у меня тут...

— Я знаю. Работа. У тебя она никогда не заканчивается, но почему-то всегда начинается перед тем, как нужно что-нибудь сделать дома.

Они развелись два года назад без громких ссор. Ссоры хотя бы предполагали, что оба ещё рассчитывают достучаться. У них постепенно установилось такое удобное взаимопонимание, при котором уже не требовалось разговаривать.

Тимофею было шестнадцать. Он рос быстро и как будто с некоторым недоверием к результату. Когда Семён приехал к музыкальной школе, сын стоял под козырьком с гитарой и ел яблоко.

— Ты на двенадцать минут опоздал, — сказал он.

— Пробка.

— Я видел, ты из машины вышел с кофе.

— Кофе я купил раньше.

— Пап, я не следователь. Можно просто: опоздал.

Семён открыл багажник.

— Опоздал.

Сын положил гитару и сел впереди. Некоторое время они ехали молча. Потом Тимофей спросил:

— Бабушкин дом реально убрали?

— Из документов.

— Она мне звонила. Сказала, что теперь у неё дом без претензий на существование.

— Шутила.

— Она шутила, а голос был другой.

Семён крепче сжал руль.

— Ей предлагают квартиру.

— Круто. А Шурупову?

— Пока не знаю.

— Он мне велосипед собирал. Помнишь? Из трёх плохих один нормальный. Сказал: демократия деталей.

Семён улыбнулся, но ненадолго.

— Всё не так просто, Тим.

— Я в курсе. Это у вас взрослый пароль.

На светофоре Семён посмотрел на сына. Тот чистил ногтем кожуру яблока, застрявшую в зубах, и не выглядел нравственным судьёй. Просто задал вопрос и ждал ответа. От этого уклониться было труднее.

— Если бабушке дадут квартиру, — сказал Семён, — ей будет лучше.

— Конечно.

— Даже если остальным пока не дадут.

— Конечно.

Семён почувствовал, как у него с плеч снимают лишний вес.

— Но ты же можешь ей помочь и остальных не бросать, — добавил сын.

Загорелся зелёный. Сзади посигналили.

Семён тронулся слишком резко.

— Могу, — сказал он.

И впервые за день это короткое слово не было ни обещанием начальству, ни способом закончить разговор.

Глава 7. Отдел временной истины

Роза Матвеевна Строгоград работала в здании, которое жители называли старой прокуратурой, хотя прокуратура уехала оттуда пятнадцать лет назад. Название держалось лучше шутки: люди предпочитали ошибаться в географии, чем лишний раз произносить «Межведомственный центр верификации противоречивых состояний».

В приёмной стояли три стула. На среднем лежала табличка «Не занимать». Два оставшихся были заняты человеком и его ощущением безнадёжности.

Секретарь взяла у Семёна заявление, пролистала и нахмурилась.

— Вы просите признать факт проживания семидесяти трёх граждан?

— Да.

— Коллективное?

— У каждого своя квартира.

— Тогда индивидуальные обращения. Семьдесят три заявления.

Анна положила на стол копию схемы квартала.

— Мы просим приостановить действие акта до установления обстоятельств.

Секретарь посмотрела на неё с профессиональным неудовольствием: посетитель оказался знаком с дверью, которую полагалось долго искать.

— Внеплановое обращение?

— Обстоятельства не согласовали с нашим графиком.

Из-за двери прозвучал низкий женский голос:

— Пусть войдут. Если ещё десять минут будете классифицировать, они успеют стать историческими.

Строгоград сидела за столом без компьютера. Компьютер стоял на отдельной тумбе, как прибор, полезность которого признают, но к семье не допускают. Ей было около шестидесяти. На ней был тёмный жакет и брошь в виде маленькой улитки.

Семён невольно посмотрел на брошь.

— Подарок коллег, — сказала она. — Намёк на сроки. Коллеги теперь в других местах, улитка со мной.

Она прочитала заявление, не задавая вопросов. Потом перелистала копии и остановилась на странице с подписью Семёна.

— Это вы?

— Да.

— А здесь вы пишете, что действия должностных лиц привели к нарушению.

— Да.

— Любопытная процессуальная расстановка. Обычно человек приходит с уверенностью, что должностное лицо — это кто-то другой.

Семён почувствовал, как горят уши.

— Я подписал общую методику.

— Не объясняйтесь раньше вопроса. Это мешает услышать ответ.

Она повернула к нему лист.

— Вы готовы подтвердить ошибочность своего согласования письменно?

Он посмотрел на Анну. Она сидела неподвижно.

— Что это повлечёт?

— Проверку. Для начала.

— Дисциплинарную?

— Возможно.

— А восстановление дома?

— Возможно.

— Другого способа нет?

Строгород сняла очки.

— Способы есть. Можно писать обращения, получать ответы, обжаловать ответы, уточнять обращения. Лет через пять мы с вами будем очень близки. Но воду пустят через десять дней.

Она открыла ящик и достала чистую бумагу.

— Для срочного вмешательства мне нужен не рассказ об ошибке, а основание считать решение ненадёжным. Подпись согласовавшего специалиста — такое основание. Вы можете уйти и подумать.

Семён взял ручку.

Он писал медленно. Слова «не проверил» давались тяжелее слов «не имел возможности проверить». Он начал со второй формулировки, перечеркнул, написал первую. Увидев исправление, Строгород чуть заметно кивнула.

Анна смотрела в окно. Это было деликатнее поддержки.

Когда он закончил, ручка оставила на пальце синюю полосу. Семён потёр её большим пальцем, но чернила только размазались.

Строгород прочитала объяснение.

— Теперь можно работать.

Она подошла к компьютеру и что-то напечатала. На экране появился круг ожидания. Строгород смотрела на него терпеливо, почти с уважением к сопернику.

— Система обновляется, — сообщила она.

— Долго?

— Улучшается. Это неопределённая форма времени.

Она вернулась к столу и заполнила бумажное предписание: обеспечить сохранение существующего положения до завершения проверки, не предпринимать действий, создающих угрозу проживающим, предоставить сведения о фактической застройке.

— Это остановит работы? — спросил Семён.

— Это обяжет их объяснить, почему они не остановили работы. Не путайте. Объяснение иногда дороже остановки, но не всегда.

— А свет?

— Отдельное требование направлю. Сегодня.

У двери Анна спросила:

— Почему вы не боитесь?

Строгород посмотрела на неё удивлённо.

— Боюсь. У меня дочь, кредит и давление. Просто если страх каждый раз считать доводом, до пенсии не останется других доводов.

Они вышли в коридор. Человек в приёмной поднялся.

— Получилось?

Семён посмотрел на предписание.

— Началось.

— Тоже неплохо, — сказал человек и освободил стул своему ощущению безнадёжности.

Глава 8. Правильный вид из окна

В среду в дом приехала комиссия. Перед её приездом двор подмели, возле мусорных контейнеров поставили два горшка с хризантемами и наклеили на входную дверь плакат «Спасибо за участие в изменениях». Люди ещё не участвовали, но им уже намекнули, что отказаться невежливо.

Комиссию возглавлял Ведомов. С ним были специалист по расселению, специалист по благоустройству, специалист по общественным ожиданиям и водитель, который единственный знал, где находится дом.

Семён встретил их у подъезда. Анна стояла рядом с папкой. Шурупов вынес табурет для протокола: стол отнёс обратно в подвал, поскольку дождь испортил людям достаточно имущества и без участия комиссии.

— Почему номер не восстановлен? — спросил Семён.

— Предписание касается существующего положения, — ответил Ведомов. — На момент его получения номера уже не было. Мы обязаны сохранять.

Шурупов тихо присвистнул.

— Ловко. Если б я так гайки крутил, они бы сами извинялись.

Комиссия осмотрела фасад. Специалист по благоустройству фотографировал дом так, чтобы в кадр попадала главным образом трещина. Специалист по расселению смотрел на него так, будто каждый кирпич сейчас просил у неё отдельную квартиру.

Мужчина с первого этажа, которого звали Аркадий Львович Крючков, вышел в пиджаке. Пиджак был старый, но выглаженный; это означало, что человек пришёл не ругаться, а быть услышанным.

— Я за переселение, — сказал он. — Запишите отдельно. У меня плесень. Жена после операции. Я не хочу жить в памятнике чужому детству.

Семён ощутил укол.

— Никто не предлагает оставлять всё как есть.

— Ты вчера говорил: сохранить дом.

— Пока не решат вопрос.

— Я шестой год слышу «пока». У него уже борода выросла.

Ведомов сразу повернулся к Крючкову.

— Вот конструктивная позиция жителя.

— Моя позиция — сухие стены, — ответил тот. — Не надо её к себе записывать.

Они поднялись на второй этаж. Нина Сергеевна приготовила чай и надела серёжки. Семён заметил, что обе на месте, и почему-то обрадовался.

Специалист по общественным ожиданиям спросила, нравится ли ей вид из окна.

— В целом, — сказала мать. — Кроме вашего автобуса. Он газон раздавил.

— Я имею в виду перспективу развития территории.

— В перспективе я хочу видеть яблоню. Муж посадил.

— Проектом предусмотрены новые насаждения.

— У них тоже будет мой муж?

Специалист записала: «Выраженная эмоциональная привязанность к существующей среде».

Семён заглянул в её планшет.

— Запишите: хочет сохранить яблоню.

— Это некорректная детализация.

— Для яблони корректная.

Ведомов предложил осмотреть квартиру. Нина Сергеевна открыла двери. В спальне стояла кровать, над ней — фотография мужа. На комод лежали квитанции, очки и расчёска с выпавшим зубцом. Это были обычные вещи, которые человек оставляет там, где ему удобно, не предполагая, что однажды их будут оценивать как признаки пригодности.

— Вентиляция слабая, — сказал специалист по расселению.

— Сорок лет прошу прочистить, — ответила мать.

— Вот видите. Жильё не соответствует.

— Моим просьбам?

В кухне Ведомов задержался у лимона.

— Красивый.

— Бесполезный, — сказала Нина Сергеевна. — Но я его люблю. У нас дома это допускается.

Семён вышел вслед за начальником на лестницу.

— Свет когда?

— Вопрос рассматривается.

— В доме есть человек, которому нужен электрический подъёмник. Мать руками пересаживает взрослого сына.

Ведомов нахмурился.

— Почему вы сразу не сообщили?

— В списке. Квартира шестнадцать. Я выделил.

— Значит, отдельный случай. Надо было выделить отдельно от выделенного.

Семён вдруг так устал, что перестал подбирать слова.

— Эдуард Захарович, у нас удлинитель через дорогу. Один автомобиль — и всё. Вы хотите дожидаться, когда кто-то упадёт, чтобы получить основание?

Ведомов посмотрел на него долго и недобро. Потом достал телефон.

— Это я. На Речной подключение восстановить. Временная схема. Нет, адрес потом. Напишите «объект комиссии». Я отвечаю.

Семён не сказал ничего. Через сорок минут в окнах загорелся свет.

Это было почти унижительно: вчера он объяснял, писал, собирал подписи, а сегодня оказалось достаточно трёх слов начальника. Но он увидел, как на третьем этаже женщина прижимается лбом к дверному косяку, пока подъёмник гудит в комнате, и чувство унижения стало неважным.

Ведомов тоже смотрел вверх.

— Я ведь не враг тебе, — сказал он.

— Знаю.

— Тогда зачем ты всё усложняешь?

Семён ответил не сразу.

— Потому что вы сейчас смогли. А вчера тоже могли.

Комиссия уехала, оставив хризантемы и лист ознакомления. Внизу листа было напечатано: «Возражений по существу проведённых мероприятий не имею».

Шурупов прочитал и взял ручку.

— Имею, — написал он крупно. — Но за свет спасибо.

Глава 9. Человек без жалоб

Леонид Павлович Подсчётов работал на четвёртом этаже административной пристройки, в комнате, которую из-за серверного шкафа называли машинным залом. В действительности там помещались шкаф, стол, стул и сам Леонид, если не вставал слишком резко.

На двери висела надпись: «Не выключать. Идёт процесс». Надпись появилась семь лет назад и с тех пор лучше всего описывала жизнь сотрудника.

Семён застал его под столом.

— Помочь?

— Если знаешь, зачем мы всё это делаем.

— Пока только куда вставить провод.

— Тогда рано.

Леонид выбрался, стукнулся затылком и сел. Ему было тридцать два. Он носил очки с одной новой дужкой и футболку, на которой когда-то было написано что-то умное. Надпись выстиралась, и теперь футболка выглядела мудрее.

— Я по Речной, — сказал Семён.

— Знаю. Весь отдел по Речной. Некоторые теперь против тебя по Речной.

Он открыл на экране карточку дома. Красная строка сообщала: «Объект неактуален. Связанные лица обслужены путём переноса».

— Можешь вернуть?

— Технически — да.

Семён выдохнул.

— Но?

— Молодец. Опытный пользователь.

Леонид показал историю изменений. Дом удалили после ночного обмена данных. Утром изменения подтвердил центральный реестр. Затем их разослали поставщикам услуг, планировщикам, картографам, фонду капитального ремонта и системе городского счастья.

— Последняя зачем?

— Она считает удовлетворённость средой.

— И что посчитала?

— После удаления вашего дома жалобы по кварталу снизились на сорок один процент.

— Потому что жалобщиков удалили.

— Система видит результат. Причины видят те, кому за это не доплачивают.

Леонид открыл другую вкладку. Уровень благополучия квартала был отмечен зелёным. Рядом стояла маленькая стрелка вверх.

— Понимаешь, — сказал он, — если я сейчас просто верну дом, завтра синхронизация снова его уберёт. Чтобы сохранить, надо сменить исходный статус. Для исходного статуса нужен акт. Для акта нужна запись. Для записи нужен статус.

— Круг.

— Уже нет. После обновления — спираль. За каждый оборот начисляется задача новому отделу.

Семён сел на край свободной тумбы.

— Кто придумал систему?

— Много хороших людей. Каждый сделал небольшой удобный кусок. Потом куски соединили и удивились, что они удобны разным людям.

— А ты?

Леонид перестал улыбаться.

— Я написал перенос связей.

В комнате стало слышно вентилятор.

— Почему без проверки?

— С проверкой. Но проверка тормозила загрузку. Попросили временно отключить. Я поставил комментарий, что так нельзя.

— И?

— Комментарий сохранился. Люди — не все.

Он открыл код, но Семён попросил закрыть. Ему не нужно было видеть техническую причину, чтобы понять человеческую.

— Ты можешь дать копию истории?

Леонид покачал головой.

— Доступ служебный. Я не имею права выносить сведения о жителях.

— Нам не нужны их данные. Нужна цепочка решений по объекту.

— Через официальный запрос комиссии. Тогда дам заверенную выгрузку без персональных сведений.

Это было разумно. Семён поймал себя на раздражении: когда борешься с бессмысленными правилами, начинаешь считать бессмысленными все правила. Он записал формулировку запроса.

— Ещё что-нибудь?

Леонид помедлил.

— У вас есть человек, который не согласен восстанавливать дом?

— Есть.

— Посмотри его предложение о переселении. Там может быть интересно.

— Ты откуда знаешь?

— Я не знаю. Я вижу, какие разделы сегодня просили выгрузить проектировщики. Сначала адреса. Потом согласия на освобождение территории. Порядок мне не нравится.

В коридоре Семён остановился, чтобы позвонить Крюкову. Ответила жена. Сказала, что Аркадий Львович в больнице, получает для неё результаты.

— Вам с ним поговорить надо?

— Да. По переселению.

— Только не отговаривайте, — попросила она. — У нас под кроватью обои мокрые. Он меня ночью на диван переносит. Я тяжёлая, а он делает вид, что нет.

Семён посмотрел на свою руку с синей полоской от вчерашней ручки.

— Я не отговаривать.

— Вы хорошие люди, я понимаю. Но мы уже устали быть причиной, по которой кто-то доказывает хорошее.

Она сказала это без злости и поэтому попала точно.

Когда разговор закончился, Семён вернулся к Леониду.

— Слушай, — спросил он, — а можно восстановить людей и не обязать их оставаться?

Леонид долго смотрел на него, потом кивнул.

— Вот теперь ты правильно поставил задачу.

Глава 10. Улыбнитесь для достоверности

На четвёртый день без адреса во двор приехала служба измерения счастья.

Микроавтобус был жёлтый. На боку улыбалась семья из четырёх человек, причём отец выглядел так, будто ему только что сообщили: кредиты семьи рисованные. Из машины вышли две девушки с планшетами и мужчина в белых кроссовках.

— Мы хотим услышать ваше мнение! — объявил мужчина.

— Сочувствую, — сказал Шурупов.

Мужчину звали Филипп Николаевич Витринцев. Он руководил проектом «Счастливый Складень», хотя жил в соседнем городе, где качество жизни пока не измеряли с такой настойчивостью.

Витринцев объяснил, что изучает удовлетворённость жителей текущими изменениями. Жители окружили его с готовностью, которая профессионалу должна была показаться опасной.

— Первый вопрос, — начал он. — Стало ли вам комфортнее взаимодействовать с городской средой?

— Свет вернули, — сказала Зоя Ильинична. — Комфортнее.

Девушка поставила галочку.

— Но его сначала отключили! — добавила Зоя Ильинична.

— Это будет в комментарии.

— А в результате?

— В результате стало комфортнее.

Семён подошёл ближе.

— От какого момента вы считаете?

— От начала мероприятий.

— То есть отключение света — начальная точка?

— Мы фиксируем динамику.

— А если сначала отобрать у человека ботинки, а потом вернуть один?

Витринцев улыбнулся.

— Некорректное сравнение. Наша система учитывает сезонность.

Во дворе засмеялись. Мужчина принял смех за успех коммуникации.

Анна попросила показать анкету. Вариантов ответа было четыре: «Да», «Скорее да», «Пока не ощутил» и «Затрудняюсь оценить масштаб положительных изменений».

— А «нет»?

— Отрицание предполагает завершённость процесса. Процесс не завершён.

— Значит, «да» тоже рано.

— «Да» предполагает доверие.

Шурупов повернулся к соседям.

— Слышали? Кто не доверяет, тот грамматику портит.

Витринцев предложил провести глубинное интервью с наиболее вовлечёнными представителями сообщества. Семён уже собирался отказаться, но Анна наступила ему на ногу.

Интервью решили записывать у яблони. Камера смотрела на скамейку, а дом оставался за спиной оператора. Витринцев попросил Нину Сергеевну сесть чуть правее, чтобы в кадр попали хризантемы.

— А что мне говорить?

— Как меняется ваша жизнь.

— Хорошо. У меня раньше был адрес, а теперь хризантемы.

Оператор опустил камеру.

— Давайте позитивнее.

— Хризантемы хорошие.

— Прекрасно. С этого и начнём.

Семён почувствовал знакомое желание вмешаться, защитить мать от неловкости. Но она сидела совершенно спокойно. Анна незаметно включила запись на своём телефоне, предупредив об этом всех присутствующих. Витринцев не возражал: дополнительные каналы распространения приветствовались.

Нина Сергеевна погладила рукав платья.

— Цветы хорошие, — сказала она в камеру. — Но мне хотелось бы, чтобы мой дом тоже остался. Здесь семьдесят три человека. Одним нужны новые квартиры, другим — ремонт. Всем нужно, чтобы с ними разговаривали до того, как их посчитают переселёнными.

— Очень содержательно, — сказал Витринцев. — А теперь короткий дубль: «Я чувствую заботу».

— Чью?

— Города.

— Город вчера через удлинитель заботился. Слесарь Виктор Сергеевич организовал.

Шурупов, стоявший за камерой, сделал руками протестующее движение. Нина Сергеевна его проигнорировала.

— Сын мой раньше тоже говорил: всё решается. А теперь ходит и решает. Это я чувствую. Семён опустил глаза.

Витринцев некоторое время смотрел на свои кроссовки. Потом сказал, что в материале обязательно отразят сложность переходного периода.

— Только не отрежьте вторую половину, — попросила мать.

— Мы работаем профессионально.

— Именно этого я и боюсь.

К вечеру на городском сайте появился ролик. Нина Сергеевна говорила: «Цветы хорошие... Здесь семьдесят три человека... Я чувствую». Между фразами шли кадры светлого парка, которого ещё не было.

Подпись сообщала: «Жители Речной благодарят за заботу и с нетерпением ждут перемен».

Семён смотрел ролик в машине и чувствовал, как в груди поднимается горячая, почти детская злость. Он позвонил Анне.

— У вас полная запись?

— Да.

— Надо выложить.

— Мать спросите.

— Она же сама...

— Семён. Это её лицо и её слова. Вы только что возмущались, что ими распорядились без неё.

Он замолчал.

Позвонил матери, всё объяснил. Она долго не отвечала.

— Выкладывайте, — сказала наконец. — Только там я в конце волосы поправляю. Это можно убрать?

— Можно.

— Вот это и уберите. Остальное пусть будет как было.

Глава 11. Квартира с видом на согласие

Служебная квартира находилась на восьмом этаже нового дома. Лифт поднимался бесшумно, что Нине Сергеевне не понравилось.

— Едет вообще?

— Едет, мам.

— Дома хотя бы понятно: кряхтит — значит, живой.

Специалист по расселению, представившаяся Татьяной Давыдовной Протоколовой, держала ключи на красной ленте. Она была моложе Семёна, но носила лицо человека, который устал от жилищных вопросов ещё до собственного рождения.

Квартира оказалась хорошей. Не роскошной, не подозрительно дешёвой, не такой, в которой обязательно должен обнаружиться символический недостаток для удобства нравственного выбора. Две комнаты, светлая кухня, низкий порог в ванную, балкон. Из окна было видно поликлинику.

Нина Сергеевна прошла по комнатам, открыла шкафчик, потрогала батарею.

— Тёплая.

— Индивидуальная регулировка, — сказала Протоколова.

— То есть можно самой решить, жарко мне или нет?

— Да.

— Удивительно.

Семён стоял в дверях кухни и ждал, когда обнаружится подвох. Подвох не обнаружился. От этого было неуютно.

— Условия? — спросил он.

Протоколова протянула договор. Временное пользование, компенсация коммунальных платежей, освобождение прежнего помещения для обследования. Срок — до урегулирования статуса территории. Пункт седьмой предусматривал отказ от препятствования работам на освобождённом участке.

— Что значит «участке»?

— Прилегающая территория.

— Кто её определяет?

— В рамках проекта.

— То есть мать переезжает, и это считается согласием на работы возле всего дома?

— Она соглашается только за себя.

— В договоре этого нет.

Протоколова вздохнула.

— Я не составляла договор.

Нина Сергеевна села на подоконник, хотя в квартире стояли стулья.

— Татьяна Давыдовна, а если я подпишу только то, что переезжаю?

— Так не предусмотрено.

— Ну и предусмотрите. Вы же не зря образованная.

Протоколова неожиданно рассмеялась. Коротко, устало, почти против воли.

— Если бы образование давало такие полномочия, я бы уже министром была.

Она позвонила кому-то и отошла на балкон. Семён посмотрел на мать.

— Нравится?

— Да.

— Можно добиться другого договора.

— Добивайся.

Он замолчал. Ему хотелось, чтобы мать сказала: никуда не поеду, пусть сначала дадут всем. Это сделало бы его собственное положение ясным и красивым. Она вместо этого смотрела на тёплую батарею.

— Мам, я не хочу, чтобы это выглядело...

— Как что?

— Как будто мы договорились за себя.

— А если я останусь в холоде, ты будешь выглядеть лучше?

Семён покраснел.

Мать потянулась и поправила ему воротник, как в детстве. Он не отстранился.

— Я не против твоего дела. Я за него. Но не делай из меня знамя. Знамя можно вынести на мороз, а мне потом суставы лечить.

Из соседней комнаты донёсся щелчок выключателя. Свет зажёгся сразу, без разрешения комиссии.

— Отец бы что сказал? — спросил Семён.

— Он бы сначала проверил трубы. Потом предложил свою прокладку, потому что заводские у него все были неправильные. А вечером сказал бы мне: Нинка, если тут легче, давай сюда.

— Ты уверена?

— Семён, я с ним сорок лет прожила. Не мешай мне знать человека, которого тебе удобно помнить.

Протоколова вернулась. Красная лента с ключами была накручена на палец.

— Можно исключить пункт седьмой. Но тогда понадобится отдельное решение комиссии.

— Сколько времени?

— Два дня. Если подпишут.

— Давайте, — сказала Нина Сергеевна.

Она ещё раз прошла по кухне, остановилась у окна.

— Лимону здесь будет хорошо.

Семён хотел возразить, что лимон едва ли способен оценить условия. Но промолчал. Было бы странно защищать человеческий дом и не дать человеку выбрать, где жить.

На обратном пути мать попросила заехать в магазин за тёплыми носками для жены Крюкова.

— Ты её знаешь?

— Теперь знаю.

— Ей тоже предложили квартиру?

— Да. Только хуже. Первый этаж, у мусорной площадки.

— Почему?

— Потому что у неё сын не в управлении.

Мать сказала это без упрёка. Просто назвала устройство мира. Семёну стало легче дышать только после того, как он опустил стекло.

Глава 12. Вода не читает

К старой насосной станции вела дорожка вдоль реки. В городском приложении она была обозначена как перспективный прогулочный маршрут, поэтому на местности приходилось обходить крапиву и дважды пролезать под трубой.

Шурупов шёл первым, неся связку ключей. Семён — за ним. Анна замыкала шествие с папкой старых схем, завёрнутой в пакет.

— Ты откуда ключи взял? — спросил Семён.

— От Палыча остались.

— Он же умер.

— Вот именно. Пока был жив, не давал.

Дверь станции открылась не сразу. Шурупов приподнял её плечом, повернул ключ и толкнул ногой. Внутри пахло сыростью, железом и старым машинным маслом — запахом работы, которую перестали замечать задолго до того, как прекратили делать.

На стене висел календарь двадцатилетней давности. На фотографии улыбающиеся люди вручали друг другу ключ. Семён не стал смотреть, кто кому.

В главном зале стояли два насоса. Один был разобран. Второй выглядел исправным, что у старого оборудования означало лишь отсутствие наружных признаков отчаяния.

— Они нужны? — спросила Анна.

Семён осмотрел щит, потом трубы.

— Вода из нижнего коллектора. Во время паводка поднимают в основное русло. Если затвор закрыт, без насоса будет подпор.

— По проекту здесь музей, — сказала Анна.

Шурупов кивнул.

— Удобно. Не работает — экспонат. Работает — интерактивный.

Семён развернул схему на козухе. В старом проекте насосная и жилой дом составляли один комплекс. Под двором шёл резервный водоотвод, который в новой схеме отсутствовал. На его месте планировали площадку для выступлений.

— Они его не нашли, — сказал Семён.

— Может, потому что не искали? — предположил Шурупов.

— Надо проверить отметки.

Он включил фонарь на телефоне и спустился на нижний уровень. Анна осталась наверху: ступени были скользкими. Шурупов пошёл следом.

Под потолком проходила старая труба, покрытая крупными каплями. На стене виднелись отметки уровней воды, нанесённые краской в разные годы. Самая высокая была чуть ниже головы Семёна.

Он остановился.

На бетонной поверхности сохранилась надпись отцовским почерком: «Не закрывать до запуска второго».

Семён узнал его сразу. Узнавание оказалось физическим — как будто кто-то тронул за плечо из темноты.

— Отец здесь работал, — сказал он.

— Знаю, — ответил Шурупов. — Мы с ним половину этой радости перебирали.

— Почему мне не рассказывал?

— Ты не спрашивал.

Семён провёл пальцем по буквам. Краска слегка осыпалась. Отца не было семь лет, а он всё ещё кому-то пытался не дать затопить помещение.

— Второй потом запустили?

Шурупов отвёл взгляд.

— Временно. Пока новый не поставят.

— Новый поставили?

— Ты его наверху видел. Разобранный.

Они вернулись. Семён сравнил отметки старой схемы с текущим проектом и понял, что ситуация хуже, чем казалась. Открытие парка само по себе не должно было затопить дом. Проектировщики правильно рассчитали обычный уровень. Но в расчёт не вошли перекрытый резервный отвод, неработающий насос и сильный дождь. По отдельности всё выглядело допустимым. Вместе — нет.

— Значит, проект плохой? — спросила Анна.

— Нет. Неполный.

— Разница для жильцов?

— В том, что его можно исправить. И парк оставить. И воду вернуть. Только сначала нужен насос, обследование отвода и нормальный запас по уровню.

Шурупов сел на бетонную тумбу.

— Нормальный запас — это сколько?

Семён назвал предварительную величину и сразу добавил, что без замеров это оценка.

— Во, — сказал слесарь. — Хороший признак.

— Какой?

— Ты сказал, что не знаешь. Раньше сразу начинал объяснять, почему всё учтено.

На обратном пути они увидели рабочих. Те укладывали плитку на будущей площадке. Под плиткой был свежий бетон, а под бетоном, по схеме, находился смотровой люк резервного отвода.

Семён подошёл к прорабу.

— Здесь нельзя закрывать доступ.

Прораб поднял глаза. На лице у него было написано, что эту фразу он слышит обычно после того, как доступ уже закрыт.

— У вас есть предписание?

Семён показал копию документа Строгоград.

— Это по дому, — сказал прораб. — Я дом не трогаю. У меня площадь.

— Под площадью водоотвод.

— У меня под площадью основание. Всё по проекту.

— Проект не учитывает старый коллектор.

Прораб протянул ему планшет.

— Покажите.

На новой схеме коллектора не было.

Несколько секунд они молча смотрели в экран. Потом прораб убрал планшет.

— Я вам верю, — сказал он неожиданно. — Но остановлю без бумаги — меня за простой вычтут. Продолжу по бумаге — отвечает тот, кто бумагу дал. У меня трое детей. Давайте быстрее свою бумагу.

Семён мог бы возмутиться. Вместо этого он достал телефон и набрал Строгоград.

За спиной уже снова зашумела бетономешалка.

Глава 13. Общее дело с отдельными выходами

Предписание по коллектору пришло к вечеру. К этому времени рабочие залили бетон, убрали инструмент и ушли домой. Прораб прислал Семёну фотографию площадки и сообщение: «Бумагу получил. Дальше не делаем». Семён долго смотрел на ровную серую поверхность.

Раньше ему нравились такие фотографии. По ним удобно было отчитываться: никаких людей, сомнений и торчащих краёв. Завершённый этап.

Анна позвонила через пять минут.

— Нужны все согласия на переселение. Крючков принёс своё. Там не то, что ему объясняли.

Они встретились в квартире Крючкова. Его жена Вера Андреевна сидела на диване, укрыв ноги клетчатым пледом. На столе стояли таблетки и ваза с яблоками. Одно яблоко было разрезано на тонкие дольки, чтобы ей удобнее было есть.

Крючков разложил договоры перед Семёном, но рук от них не убрал.

— Сразу говорю: переезжать я буду.

— Я не против.

— Вчера был против.

— Вчера я ещё не видел вашей стены.

Он посмотрел на тёмное пятно у пола. Обои отходили ровной полосой, словно сама комната пыталась раздеться и высохнуть.

Вера Андреевна улыбнулась.

— У нас здесь климат. Аркадий говорит, курорт, только море внутри стены.

Крючков не улыбнулся. Он слишком долго шутил об этом, чтобы шутка ещё помогала.

Анна прочитала первую страницу, вторую. На третьей задержалась.

— «Согласен с прекращением использования объекта капитального строительства». Вы думали, это о квартире?

— Так и сказали.

— Здесь весь дом. Квартира называется помещением. Объект — здание.

— Я что, должен юридический окончить, чтобы из сырости съехать?

— Нет, — сказала Анна. — Не должны.

Она произнесла это без продолжения, и Крючков впервые разжал руки.

Согласий было восемь. Все подписаны жильцами первых этажей, уставшими от воды и обещаний. В приложении к проекту восемь подписей превратились в «поддержку решения активной частью населения». Количество не лгало. Лгало то, что ему поручили обозначать.

— Они написали, что мы за весь дом? — спросил Крючков.

— Прямо — нет. Так, чтобы можно было прочитать именно это.

Семён знал приём. Сам применял его, когда надо было помирить несовместимые замечания двух отделов. Формулировка получалась такой, что каждый видел в ней свою победу. Он называл это согласованием интересов.

Теперь интересы сидели перед ним в носках поверх бинтов.

— Я поговорю с Протоколовой, — сказал он. — Договоры можно разделить. Переселение — отдельно, работы — отдельно.

— А если после этого квартиру не дадут?

Семён открыл рот и закрыл. Он не мог гарантировать, что дадут.

— Тогда я пойду с вами, — сказала Анна. — На каждый приём. Но обещать результат не стану.

Крючков посмотрел на жену. Она кивнула.

— Нам и так всё обещали. Хоть вы не надо.

Вечером во дворе собрали людей снова. На этот раз стол был большой: Руслан принёс столешницу, Шурупов нашёл опоры. Получилось сооружение, которое не значилось ни в одном плане и поэтому пока служило назначению.

Семён объяснил, что не собирается добиваться сохранения дома любой ценой.

— Нам нужно, чтобы каждый мог выбрать. Кто хочет переехать — получает безопасное жильё и понятный договор. Кто остаётся — свет, вода и обследование здания. Работы на реке — после проверки.

— А кто платить будет? — спросили из темноты.

— Пока не знаю.

— Отличная программа.

Семён кивнул.

— Да. Слабое место.

Кто-то засмеялся. Он дал смеху закончиться.

— Но если я сейчас назову вам деньги, которых нет, мы получим ещё одно красивое собрание. Их уже достаточно.

Зоя Ильинична подняла руку.

— Я остаться хочу. Но если дом аварийный, тоже не хочу. Мне в понедельник к стоматологу. Есть планы.

— Поэтому обследование, — сказал Семён.

Руслан спросил, будут ли учитывать съёмщиков. Протоколова, которую Семён всё-таки пригласил, начала объяснять разницу между правом собственности и правом пользования. Люди загудели.

— Подождите, — сказала она. — Я объясняю не для того, чтобы от вас избавиться. Разные основания — разные документы. Если смешать, откажут всем.

Анна поддержала её. Семён удивился, потом понял, что снова начал делить людей по тому, на какой стороне стола они сидят.

Они составили три отдельных списка: собственники, зарегистрированные жители, фактически проживающие. Рядом — общую ведомость нужд, где не было разницы между паспортом и ребёнком, которому негде спать.

На последнем листе Семён написал: «Подпись под настоящим обращением не означает согласия на снос, отказа от переселения или отказа от иных требований».

— Длинно, — заметил Шурупов.

— Зато понятно.

— Понятно как раз, что нас уже учили.

Когда все разошлись, Анна осталась помогать убирать стол. У неё дрожали руки от холода. Семён предложил куртку. Она отказалась, потом взяла.

— Вам же холодно будет.

— Я пойду двигаться. У меня машина через дорогу.

Они замолчали. Между ними вдруг появилась не бумажная, не общественная, а обычная неловкость. После всего случившегося она показалась Семёну почти роскошью.

— Спасибо, — сказала Анна.

— За куртку?

— За то, что сегодня не обещали спасти всех.

Он посмотрел на светящиеся окна. В одном из них Нина Сергеевна ставила на подоконник лимон, подальше от сквозняка.

— А очень хочется.

— Знаю.

Анна вернула ему пустую чашку. Больше ничего не сказала.

Глава 14. Не тот человек в кадре

Полная запись разговора с Ниной Сергеевной набрала двадцать шесть тысяч просмотров. Для Складеня это было много: местные новости обычно читали те, кто в них попал, и те, кто проверял, не попал ли.

Комментарии разделились на четыре группы. Первые требовали разобраться. Вторые утверждали, что всё постановка. Третьи спрашивали, где купили хризантемы. Четвёртые давно не любили Фанфарова и радовались любому несчастью, которое подтверждало их правоту.

Семён читал первые полчаса, потом почувствовал себя хуже, чем до публикации.

Тимофей прислал ему нарезку: бабушка говорит про адрес, чиновник просит позитивнее, затем появляется надпись «Оптимизация: мы убрали лишнее. Лишнее — вы». Ролик был ловкий и жестокий. В конце камера задерживалась на растерянном лице девушки с планшетом.

— Кто сделал? — спросил Семён.

— Я.

— Зачем девушку оставил?

— Она же ставила галочки.

— Ей двадцать лет. Она подрабатывает.

— И что? Галочки бесплатные?

Семён замолчал. Он узнал интонацию собственного юношеского превосходства, которое давно считал утраченным вместе с густотой волос.

— Убери её лицо.

— Пап, ты теперь их защищаешь?

— Я не хочу, чтобы её травили.

— А бабушку можно?

— Нельзя.

— Тогда что не так?

Семён сел на край кровати. Разговор шёл по телефону, и он впервые пожалел, что не может просто посмотреть сыну в глаза.

— Не знаю, как тебе объяснить без занудства.

— Рискни.

— Она не принимала решения. Её удобно показать, потому что она рядом и у неё испуганное лицо. Тот, кто решил, в твоём ролике вообще не пострадал.

Тимофей молчал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Заблюрю.

— Спасибо.

— Но галочки я оставлю.

— Оставь.

Через час Семёну позвонил Витринцев. Голос у него был уже без публичной улыбки.

— Вы понимаете, что вы сделали?

— Опубликовал слова матери полностью.

— Я не об этом. Девочкам пишут. Одной домой звонили. Откуда телефон нашли, не знаю.

Семён закрыл глаза.

— Пришлите. Мы попросим убрать личные данные и лица.

— Очень благородно. Сначала поджечь, потом принести стакан воды.

— Вы смонтировали интервью так, что оно означало противоположное.

Витринцев долго дышал в трубку.

— Да, — сказал он. — Смонтировали. Это я согласовал. Если хотите написать — пишите меня. Девочки тут ни при чём.

Семён не ожидал, что разговор повернётся так быстро.

— Вы готовы это подтвердить?

— Уже сказал.

— Публично.

— Вот вы какой.

— Вы же просили писать вас.

На другом конце послышался короткий смешок.

— Ладно. Пришлю текст. Только без ваших дополнений.

Заявление Витринцева оказалось коротким. Он признал, что монтаж исказил смысл, извинился перед Ниной Сергеевной и попросил не преследовать сотрудников. Через два часа городская администрация сообщила, что подрядчик допустил недостаточную полноту представления обратной связи. Извинение успело стать нарушением технического задания.

Вечером Семёна вызвал Ведомов.

На столе лежала распечатка ролика. Распечатка видео была одним из немногих жанров, которые особенно хорошо удавались учреждению: движение превращалось в бумагу и переставало пугать.

— Заявление о нарушении служебной этики, — сказал начальник.

— Моей?

— Ты публично создал негативное представление о работе управления.

— Дом отключили от света.

— Свет мы вернули. Негатив остался.

Семён сел.

— Что вы хотите?

— Пока — объяснение. Почему ты участвовал в распространении материалов, способных вызвать недоверие.

— Потому что они правдивые.

Ведомов устало потёр переносицу.

— Ты считаешь, правда освобождает тебя от последствий?

— Нет. Но последствия не делают её ложью.

Начальник посмотрел на него почти с сожалением.

— Красиво говоришь. Раньше так в докладах помогал.

Ему дали лист. Семён написал объяснение. На этот раз без зачёркиваний. Когда закончил, Ведомов убрал бумагу в папку и спросил уже тихо:

— Квартиру матери оформляем?

— Оформляем. Без седьмого пункта.

— Ты же понимаешь, после этого разговора это выглядит странно.

— Почему? Ей тепло нужно за хорошее поведение сына?

Ведомов отвернулся к окну.

На улице светило низкое солнце. Дворник закрасил на ограждении старую надпись, и теперь свежий прямоугольник был заметнее надписи. Начальник долго смотрел на него.

— Оформим, — сказал он наконец. — Иди.

Глава 15. День открытых показателей

Общественные слушания назначили на субботу в десять утра, в актовом зале школы, где в это же время проходила репетиция детского хора. Организаторы объяснили совпадение стремлением совместить гражданскую активность с культурной жизнью. В действительности свободного зала не было, а переносить обсуждение было поздно: итоговый протокол уже ждал даты.

На сцене поставили стол и шесть микрофонов. Работали два. Остальные создавали впечатление множественности мнений.

Фанфаров пришёл без галстука. Это означало открытость. Ведомов — с двумя папками. Это означало, что открытость будет сопровождаться документами.

Строгород села в первом ряду, поставив сумку на колени. Анна разместилась рядом. Семён остался у прохода, чтобы видеть людей.

Крючков привёз жену на инвалидной коляске. Пандус оказался за служебным входом, служебный вход — закрыт, ключ — у завхоза, завхоз — на даче. Руслан и ещё двое мужчин подняли коляску по ступеням. Сотрудник администрации сделал фотографию для отчёта о доступности.

— Удалите, — сказал Крючков.

— Мы показываем помощь.

— Покажите дверь.

Сотрудник убрал телефон.

Фанфаров начал с того, что жители для него на первом месте. В зале кто-то спросил, где остальные места. Мэр не расслышал или сделал вид.

Затем показали презентацию. На слайде «До» был серый двор, снятый в дождь. На слайде «После» — солнечный парк. Анна подняла руку.

— Почему «до» зимой, а «после» летом?

— Визуальное моделирование.

— Смоделируйте одинаковый месяц.

Руководитель проекта сказал, что это несущественно для концепции.

— Для яблони существенно, — произнесла Нина Сергеевна из третьего ряда.

В зале засмеялись. Фанфаров поднял ладонь.

— Коллеги, давайте по существу.

Семён вышел к микрофону. Он принёс схемы, список жильцов и фотографии станции. Подготовил пять минут выступления. Но когда увидел из зала мать, сына, Крючковых и девушку из службы счастья, которая пришла почему-то одна и села у двери, забыл первые две фразы.

— Я согласовал методику, из-за которой дом исчез из реестра, — сказал он.

В зале стало тихо.

Ведомов закрыл папку.

— Я не проверил, как старые адресные обозначения переносятся в новые поля. Думал, это проверил другой отдел. Другой отдел думал, что проверил я. В результате дом признали временным объектом, а его жителей перенесли в соседний дом. Это моя часть ответственности. Но сейчас у нас есть возможность исправить не только запись.

Он показал схему коллектора. Объяснил, где старое русло, где насосы, где новый настил. Говорил без терминов, а когда термин всё-таки был нужен, пояснял его. Никто не смеялся. Даже дети за стеной на минуту перестали петь.

— Вы утверждаете, что парк опасен? — спросил руководитель проекта.

— Я утверждаю, что расчёт выполнен без части действующей инфраструктуры. Нужна проверка на месте.

— У нас положительное заключение.

— На схему, где нет отвода.

— Отвод не числится действующим.

— Он соединён с водосбором. Вода об этом не знает.

Фанфаров наклонился к микрофону.

— Почему вы раньше не сообщили?

Семён помолчал.

— Потому что раньше мне хватало вашей схемы.

Ответ не позволял удобно назначить злодея. В зале зашевелились.

Строгород поднялась.

— Прошу приложить к протоколу заявление специалиста, архивную схему и требование обследования. Отдельно прошу зафиксировать, что согласия на временное переселение не являются общим согласием на прекращение существования дома.

Секретарь быстро печатала.

— Это отдельный правовой вопрос, — сказал Ведомов.

— Поэтому я и прошу его не прятать в общий неправовой ответ.

Теперь поднялся Крючков. Он держался за спинку коляски.

— Мне надоело выбирать между сырой квартирой и чувством, что я предал соседей. Я хочу уехать. Это не значит, что я разрешил кого-то залить. Вы можете одну нормальную бумагу сделать? Одну. Без ловушки в последнем абзаце.

Фанфаров посмотрел на него, потом на Веру Андреевну.

— Можем.

— Когда?

— В ближайшее время.

Крючков покачал головой.

— Это у нас уже было. Дату.

Мэр перевёл взгляд на Протоколову. Она открыла ежедневник.

— Во вторник. Индивидуальные договоры. С правом ознакомления заранее.

— Запишите, — сказал Крючков секретарю.

Тут за стеной хор взял особенно громкую ноту. На сцене вздрогнул микрофон. Руководитель проекта попросил тишины, но дети продолжали: они репетировали песню о счастливом будущем и остановиться посередине было трудно.

Слушания закончились решением провести обследование и приостановить работы над коллектором. Открытие парка пока не переносили. Фанфаров сказал, что технические вопросы должны решаться технически.

У выхода Семёна догнал высокий мужчина в промокшей ветровке.

— Вы про насосы говорили?

— Да.

— Я там дежурил до сокращения. Второй не просто разобран. У него питание сняли.

— Когда?

— В прошлом году. Кабель понадобился для новой подсветки набережной. Акт был: оборудование выведено из эксплуатации.

Семён посмотрел на сцену. Мэр стоял у экрана и пожимал руки.

— Вы подпишете показание?

— Подпишу. Только сначала скажите: меня опять сделают крайним?

Семён мог ответить красиво. Вместо этого сказал:

— Я постараюсь, чтобы нет. Гарантировать не могу.

Мужчина кивнул.

— Похожи на инженера. Остальные уже гарантировали.

Глава 16. Что помещается в коробку

В воскресенье Нина Сергеевна начала собирать вещи, хотя новый договор ещё не был подписан. Она объяснила, что в её возрасте обещания удобнее встречать подготовленной: если не сбудутся, хотя бы шкафы переберёт.

Семён привёз коробки. Тимофей пришёл помогать и сразу нашёл в антресоли старую приставку.

— Это твоя?

— Моя.

— Она работает?

— Двадцать пять лет назад работала.

— Надёжная проверка.

На полу лежали книги, полотенца, папки с документами. Вещи, которые годами казались естественной частью квартиры, отдельно выглядели странно: зачем человеку столько крышек без банок, один лыжный ботинок и пакет с пакетами, внутри которого обнаружился ещё один пакет, явно предназначенный для особого случая?

Мать не позволяла выбрасывать быстро.

— Это хорошая ткань.

— Мам, это половина занавески.

— Зато хорошая.

— Для чего?

— Пока не знаю. У вещей тоже должно быть будущее.

Тимофей достал жестяную коробку из-под печенья. Внутри были пуговицы, монеты, два значка, ключ неизвестно от чего и маленькая фотография: молодой отец Семёна стоит по колено в воде, держит гаечный ключ и смеётся.

Семён взял снимок.

— Когда это?

Нина Сергеевна посмотрела из-за его плеча.

— Восемьдесят седьмой. Весной. Станцию затопило. Они всю ночь там были.

— Почему смеётся?

— Фотограф сказал: улыбайтесь. Отец твой послушный был, пока не понимал, что его просят.

Семён перевернул снимок. На обороте было написано: «Сдали. Теперь бы высохнуть».

Он вспомнил тот день смутно: мокрые сапоги в коридоре, мать ругается, отец ест суп прямо у плиты. Детская память сохранила не подвиг, а то, что ему разрешили потрогать большой фонарь.

— Я думал, он просто вернулся со смены.

— Он и вернулся со смены.

В этих словах не было ни гордости, ни скромности. Так мать называла работу, от которой зависело, проснутся ли другие люди в сухих постелях.

В следующей коробке обнаружились письма. Семён узнал почерк бывшей жены: она писала ему в командировку, когда мобильная связь была дорогой, а молчание ещё не стало привычным. Он хотел отложить конверты, но мать заметила.

— Возьми.

— Зачем?

— Твои.

— Всё прошло.

— Я не предлагаю тебе обратно жениться на конверте.

Тимофей осторожно закрыл дверцу шкафа и ушёл на кухню. Семён оценил его такт слишком поздно, чтобы поблагодарить без неловкости.

Они с матерью остались вдвоём.

— Ты на меня сердишься? — спросил он.

— За квартиру?

— За всё. За подпись. За то, что не замечал.

Нина Сергеевна сложила три полотенца. Они были разного цвета, но одного возраста.

— Сержусь. Иногда. Ты приходишь, спрашиваешь, всё ли хорошо, и так смотришь, что хочется сказать: хорошо. Чтобы у тебя ещё одной заботы не было.

Семён сел на пол возле коробки.

— Почему не говорила?

Она пожала плечами.

— Вот и я теперь думаю: почему.

Из кухни донёсся голос Тимофея:

— Бабуль, у тебя крупа восьмого года!

— Не открывай! Это на голубей!

— Голуби тоже не бессмертные!

Мать улыбнулась, потом села рядом с Семёном на край дивана.

— Ты не плохой сын. Только всё время стараешься быть удобным. Начальнику, мне, себе.

В какой-то момент удобство начинает говорить твоим голосом. Потом не разберёшь, где ты.

Он смотрел на конверт в руке. Слева бывшая жена нарисовала маленький домик. Крыша была кривой, из трубы шёл дым.

— Я не умею иначе.

— Учись. Ты же другие всякие курсы проходишь.

Они посидели молча. Через окно было видно яблоню. На нижней ветке остались три небольших плода. Семён собирался снять их ещё в сентябре, но каждый раз находилось что-то срочное.

— Я сейчас яблоки собираю, — сказал он.

— Подожди. Чай сначала.

В этот раз он не стал отвечать, что некогда.

Позже пришла Анна. Принесла копию плана новой квартиры, чтобы прикинуть, куда поставить шкаф. Нина Сергеевна сразу отправила её на кухню, а Семёна — за табуретом. Присутствие Анны в этой бытовой перестановке оказалось таким естественным, что он испугался собственного облегчения.

Они мерили шкаф старой рулеткой. Анна держала конец, Семён вытягивал ленту. Рулетка заедала.

— Её отец ремонтировал, — сказала мать.

— Вижу, — ответил Семён. — Теперь она измеряет с характером.

Анна засмеялась, и на секунду квартира перестала быть местом борьбы. Просто люди двигали мебель, спорили, поместится ли комод, и пили чай из разных чашек.

Вечером Семён вынес мусор и задержался у яблони. Сорвал три яблока. Одно оказалось с червоточиной, два — хорошими. Он положил их в карман.

На телефоне висело сообщение от Ведомов: «Завтра в 8.30. Обязательно. По результатам».

Семён погасил экран и вернулся наверх. Мать ещё не допила чай.

Глава 17. Погода не согласована

В понедельник Семёну вручили приказ об отстранении от работы на время служебной проверки.

Ведомов читал его ровным голосом. Формулировки были настолько нейтральными, что в них почти не чувствовалось, как у человека отнимают привычную жизнь.

Оснований было два: недостаточная тщательность согласования методики и несоблюдение порядка публичного взаимодействия. Первое Семён признал. Второе отказался признавать в предложенной редакции.

— Ты же всё равно подписал ознакомление, — заметил начальник.

— Ознакомление — не согласие.

Ведомов посмотрел на него устало.

— Быстро учишься.

Семён сдал пропуск. Системный администратор, которого прислали заблокировать доступ, оказался новым мальчиком и очень смущался. Семён сам вышел из учётной записи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.